

В. БОГДАНОВ-БЕРЕЗОВСКИЙ

ТРУД ХУДОЖНИКА

В конце ноября 1941 г. на одном из очередных творческих просмотров в Ленинградском союзе советских композиторов Асафьев играл свои произведения. В просмотровом зале горела одна настольная лампа, установленная на пульте рояля. И исполнители — автор, пианист Каменский, виолончелист Анаян — и слушатели сидели в пальто. Дважды среди просмотра в живую ткань исполняемой музыки вторгались отзвуки резкой пальбы зениток.

И несмотря на все, это был один из самых оживленных осенних просмотров. Б. В. Асафьев показывал много новых сочинений: балет «Граф Нулин» (по Пушкину), вариации для фортепиано на тему старинного, военного марша, «Ночное» — серию ноктюрнов для фортепиано, несколько арий для виолончели и рояля.

Прения приняли необычную форму: они вылились в горячую беседу между слушателями и автором, в поток вопросов, ответов, высказываний, замечаний и закончились блестящим импровизированным докладом Асафьева о своем творческом методе.

Было решено продолжить эти музыкальные встречи: прослушать музыкально-сценическое произведение Асафьева «Медный всадник», его оперу «Пир во время чумы» и два вокальных цикла на стихи Тютчева. В дальнейшем предполагалось чтение отрывков из книги «Мысли и думы», книги о жизненном пути Асафьева — человека, композитора, ученого.

Широким планам этим, однако, не суждено было осуществиться. С начала декабря начались жестокие морозы, и творческие встречи в Ленинградском союзе временно прервались.

Все перечисленные произведения созданы Б. В. Асафьевым во время великой отечественной войны или начаты незадолго до 22 июня 1941 г. и закончены в течение первого года войны. И это далеко не все. За этот же период Асафьев написал: азербайджанскую оперу (по заказу Бакинского государственного театра оперы и балета им. Ахундова), две симфонии — третью («Родина») и четвертую («Времена года»), симфонизмту, посвященную Красной Армии, сюиту «Суворов» для оркестра духовых инструментов.

Так же интенсивно шла научная работа. Асафьев написал книгу мемуаров «Мысли и думы», второй том теоретического труда «Музыкальная форма, как процесс», озаглавленный «Обоснование музыкальной интонации», исследование об опере Чайковского «Евгений Онегин» — своего рода параллель к знаменитому этюду о «Пиковой даме» из «Симфонических этюдов», вторую книгу о Глинке, книгу о Листе, книгу о чешской музы-

Симфонии, оперы, концертная музыка, история и теория музыки — все это поразило бы масштабами творческой деятельности, диапазоном тематического охвата, жанровым разнообразием и в обычное, мирное, созидательное время. Если же прилить во внимание обстановку ленинградской зимы — холод, жизнь в бомбоубежищах, работу в полутьме, при слабом свете маленькой керосиновой «коптилки», каждодневные обстрелы, словом, все условия, типичные для жизни осажденного города — города фронта, работа эта покажется почти сверхъестественной.

Пламенным сердцем подлинного патриота почувствовал большой художник — учитель целого ряда поколений советских музыкантов, что в дни, когда над родиной нависла смертельная опасность, он должен трудиться, как никогда, должен, невзирая на годы и болезненное состояние, дать родному искусству столько, сколько может дать талант в соединении с великой волей к труду.

Б. В. Асафьев возглавлял жюри обоих конкурсов на сочинение массовой боевой песни и марша для симфонического и духового оркестра, объявленных Управлением по делам искусств Ленгорисполкома и Ленинградским союзом советских композиторов.

Заседания жюри конкурса происходили в комнате Асафьева, покинувшего свою квартиру, где взрывной волной были выбиты все оконные стекла, и жившего в одной из артистических уборных Театра им. Пушкина.

После проигрывания и обсуждения песен и маршей мы невольно задерживались у нашего председателя, увлеченного рассказами, Асафьева. Он вспоминал дни молодости, свои встречи со Стасовым, свои занятия у Лядова, делился планами проектируемой им книги о русской живописи, рассказывал о встречах с Рерихом, Бенуа, Сомовым, Бакстом.

Это было непередаваемо интересно. Ибо в каждом, даже беглом замечании Асафьева ощущался художник. И при всем том, сам рассказчик больше, чем кто-либо из других членов жюри, работал для конкурса. Он заготовил краткие, но детализированные рецензии-аннотации буквально о каждой из представленных на конкурс песен и о каждом марше. Поэтому обсуждение шло по уже заранее намеченному плану, что значительно ускорило и облегчало работу. В этой детали сказался весь Асафьев, сего предельно рационализированной методикой, сужающей до минимума затраты сил, необходимую для технической стороны работы и предоставляющей максимальный простор чисто творческому процессу.

Предпринятому неутраченным остается творческий дух музыканта. Он рассказывает о новых планах, делится проектами новых композиций и книг, говорит о том, как много еще предстоит сделать.